

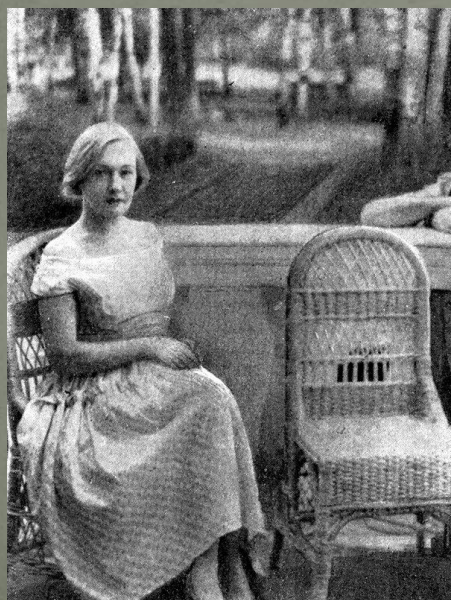
МУЗА блокадного Ленинграда

В 1918 году, уезжая на южный фронт, доктор Берггольц отправляет жену и двух дочерей из голодного Петрограда в тихий Углич. Семья поселяется в келье опустевшего монастыря. Об этих годах Ольга Берггольц напишет в «Дневных звездах».

Семья Берзина, Фотография.
 Стоят слева направо: Ольга Михайловна Берзина,
 Мария Тимофеевна Берзина, Сидонь Федор Христофоровна Берзина
 с дочерью Марией на руках, Христофор Федорович Берзин
 с дочерью Ольгой. 1900-е.

...Я говорю с тобой под свист снарядов,
угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда,
страна моя, печальная страна...

...Я буду сегодня с тобой говорить,
товарищ и друг ленинградец,
о свете, который над нами горит,
о нашей последней отраде.

Ольга Берггольц

Из воспоминаний...

«Для ленинградцев, переживших блокаду, имя Ольги Берггольц навсегда связано с военными годами. Во время блокады Берггольц работала в радиокомитете, и ее голос чуть не ежедневно звучал в передачах "Говорит Ленинград!"

Лидия Чуковская

Её называли ленинградской Мадонной, музой блокадного города, одним из символов осаждённого Ленинграда.

«В истории Ленинградской эпопеи она стала символом, воплощением героизма блокадной трагедии.

Ее чтили, как чтут блаженных, святых»

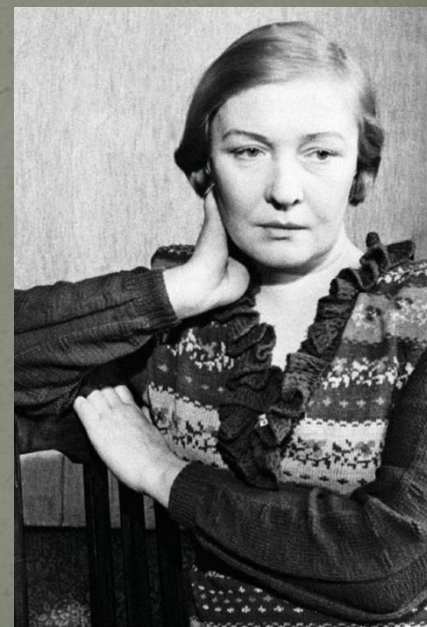
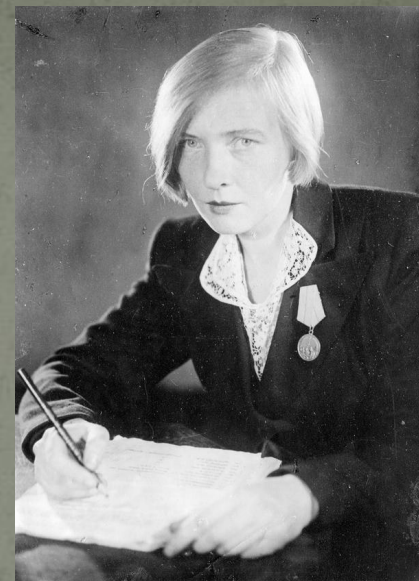
Даниил Гранин

«В истории Ленинградской эпопеи она стала символом, блаженных, святых» (Д. Гранин)

Её имя неразрывно связано с историей Великой Отечественной войны 1941-1945 годов и блокадой Ленинграда. Её имя навсегда осталось в списках работников Ленинградского радио, а по всей России её словами отождествляется память о жертвах самой страшной и кровавой войны в истории человечества. Она всюду и всегда незримо присутствует с нами, когда мы вспоминаем войну, когда мы чтим память жертв Блокады Ленинграда, когда празднуем Великую Победу над германским фашизмом.

Это она написала про «сто двадцать пять блокадных граммов с огнем и кровью пополам», ей принадлежат строки «никто не забыт и ничто не забыто», выбитые на Пискаревском мемориале. Это за ее «Ленинградскую поэму», изданную в окруженном кольцом городе в конце 1942 года, люди были готовы платить хлебом. Вряд ли в современной истории мы найдем пример такого уважения, любви и, что, пожалуй, самое невероятное, нужности поэта. Поэта, своим словом спасавшего ленинградцев.

За плечами Оли Берггольц было детство, проведенное в тесном и холодном деревянном домике на окраине Невской заставы, родовом гнезде, битком набитом родственниками всех возрастов. Отрочество в Угличе, куда мать увезла их в революцию, спасая от лютого питерского голода. Комната — бывшая монастырская келья, школа на втором этаже собора, постоянное недоедание, холод, грязь, вши. Потом отец увез их домой, и она, как во сне, узнавала старый дом, сени, гостиную с печкой... Когда-то Оля Берггольц была верующей девочкой, во время богослужения даже могла разрыдаться. Потом все изменилось....

Жизненный и писательский путь Ольги Федоровны труден и не прям. В юности она переболела воинствующим комсомольством, отдала дань РАППовской идеологии, в середине тридцатых сделалась кандидатом, а затем и членом партии, потом из партии исключена, арестована – и после семимесячного заключения в 38-39 годах снова восстановлена в партии.

В годы блокады 1941-1943 годов Ольга Берггольц находилась в осажденном фашистами Ленинграде. В ноябре 1941 ее с тяжело больным мужем должны были эвакуировать из Ленинграда, но Николай Степанович Молчанов умер и Ольга Федоровна осталась в городе. "В.К.Кетлинская, руководившая в 1941 Ленинградским отделением Союза писателей, вспоминала, как в первые дни войны к ней пришла Ольга Берггольц, Оленька, как ее все тогда называли, видом - еще очень юное, чистое, доверчивое существо, с сияющими глазами, "обаятельный сплав женственности и размашистости, острого ума и ребячьей наивности", но теперь - взволнованная, собранная. Спросила, где и чем она может быть полезна." Кетлинская направила

Ольгу Берггольц в распоряжение литературно-драматической редакции ленинградского радио. Спустя самое недолгое время тихий голос Ольги Берггольц стал голосом долгожданного друга в застывших и темных блокадных ленинградских домах, стал голосом самого Ленинграда. Это превращение показалось едва ли не чудом: из автора мало кому известных детских книжек и стихов, про которые говорилось "это мило, славно, приятно - не больше", Ольга Берггольц в одночасье вдруг стала поэтом, олицетворяющим стойкость Ленинграда."

**Борис
Корнилов**

Ольгу Берггольц была направлена в распоряжение литературно-драматической редакции ленинградского радио. Спустя самое недолгое время тихий голос Ольги Берггольц стал голосом долгожданного друга в застывших и темных блокадных ленинградских домах, стал голосом самого Ленинграда. Это превращение показалось едва ли не чудом: из автора мало кому известных детских книжек и стихов, про которые говорилось "это мило, славно, приятно - не больше", Ольга Берггольц в одночасье вдруг стала поэтом, олицетворяющим стойкость Ленинграда." (Сборник "Вспоминая Ольгу Берггольц"). В Доме Радио она работала все дни блокады, почти ежедневно ведя радиопередачи, позднее вошедшие в ее книгу "Говорит Ленинград". Ольга Берггольц была награждена орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Ольга Берггольц на Ленинградском фронте
1942 год

Сегодня трудно оценить, какую роль играло радио в блокадном городе. Сотрудники радицентра, кстати, всегда писали это слово с большой буквы..

«По Радио передавали сигналы воздушной и артиллерийской тревоги, читались сводки о военных действиях, звучала человеческая речь, песня, оркестровая музыка, утром и в полночь отбивали время кремлевские куранты, в паузах и после окончания передач включался метроном. Радио должно было работать всегда — таков был закон, быть может, самым страшным днем за всю историю блокады был тот, когда по техническим причинам Радио целых три часа безмолвствовало, не стучал даже метроном. Радио было духовным хлебом осажденного города, оно плачиво и вдохновляло, вселяло надежду и уверенность в завтрашнем дне, напоминало, что, несмотря на все обрушившиеся на него испытания, Ленинград живет и борется...» — цитата из воспоминаний писателя, журналиста, участника Великой Отечественной войны Александра Крона.

на фотографии женщина во время блокады слушает радио. 6 мая 1942 года ...

Ольга Бергольц стала подлинной Музой Ленинграда. Её стихи позволяют нам проследить судьбу целого поколения, не сломленного жестокими испытаниями времени и сохранившего нравственную чистоту, стойкость, мужество, искренность и веру в подлинные добро и справедливость. Произведения Ольги Бергольц рассказывают о страшных днях блокады, когда личная и творческая биография поэта полностью слилась воедино с биографией миллионов:

Я никогда героем не была,
Не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
Я не геройствовала, я жила.

О, год ожесточенья и упорства!
Лишь насмерть, насмерть всюду встали мы.
Год Ленинграда, год его зимы,
Год Сталинградского единоборства!

Из поэмы «Твой путь»

После смерти ее мужа Николая Молчанова друзья уговорили Берггольц поехать в Москву в командировку. «Живу в гостинице «Москва». Тепло, уютно, светло, сытно, горячая вода. В Ленинград! Только в Ленинград...» — записала Ольга Берггольц в своем дневнике. Она провела в столице около двух месяцев и при первой возможности вернулась в родной город. А ведь до прорыва блокадного кольца оставалось немногим меньше года, ну а до полного освобождения из кольца — почти два.

В стихах Берггольц, которые звучали по радио, с которыми она выступала на фронте, есть такие строки: «...Тот, кто не жил с нами, — не поверит, что в сотни раз почетней и трудней в блокаде, в окруженье палачей не превратиться в оборотня, в зверя». Это из «Февральского дневника», который она писала страшной зимой 1942 года.

Эта женщина была немкой, но с русской душой и русским характером. В нашей стране

представители старшего поколения, не верят, что нерусский человек способен мыслить по- русски.

Но именно эта женщина написала эти величайшие строки, которые лучше всяких слов выражают

всероссийскую боль и страдание, печаль и память о погибших в эти беспощадные годы.

Здесь лежат ленинградцы. Здесь горожане - мужчины, женщины, дети.

Рядом с ними солдаты-красноармейцы.

Всею жизнью своею

Они защищали тебя, Ленинград,

Колыбель революции.

Их имен благородных мы здесь перечислить не сможем,

Так их много под вечной охраной гранита.

Но знай, внимающий этим камням:

Никто не забыт и ничто не забыто.

Ольга Берггольц

Это строки из знаменитой торжественной эпитафии «Пискаревский мемориал», которые высечены на гранитной стеле Пискаревского мемориального кладбища. Именно здесь покоятся 470 000 ленинградцев умерших от голода, погибших от артобстрелов и бомбежек, павших в боях при защите города на Ленинградском фронте.

Прижизненную просьбу писательницы похоронить ее на Пискаревском мемориальном кладбище, где высечены в камне ее слова "Никто не забыт и ничто не забыто" правительство того времени отклонило. Ольга Федоровна Берггольц похоронена на Литераторских мостках.

